

А. А. Лиханов¹**ДЕТСТВО КАК ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

В феврале этого года мне довелось побывать в Индии, чтобы пообщаться с коллегами, посвятившими жизнь свою защите детства и в широком смысле — общественному благу.

Величайшая страна с 1 млрд 300 млн жителей, в нравственном основании которой, наряду с религией, лежит философия и политическая практика Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру, Индиры Ганди, обостряла мой профессиональный интерес. Разумеется, интерес как бы зауженный — что там с детством? И в то же время — коренной, ведь детство любой страны — это свидетельство ее современности, не только экономического состояния, но и духовного стремления.

Индия — один из столпов современной цивилизации. По числу народа давно превзошла не только ведущие страны мира, но и целые континенты. А что это обещает миру? Как она пересекается с этим миром?

В делийском аэропорту — широковещательное панно: «50 процентов всех менеджеров мира — ин-

¹ Академик Российской академии образования, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Чистые камушки», «Обман», «Лабиринт» (трилогия «Семейные обстоятельства»), «Благие намерения», «Голгофа», «Невинные тайны», «Высшая мера», «Паводок», «Никто», «Сломанная кукла», «Русские мальчики», «Мужская школа», «Слетки», «Преддетство», «Сострадательное наклонение» и др. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степеней, золотой медалью им. М. В. Ломоносова, а также орденами и медалями Болгарии, Грузии, Украины, Белоруссии и Армении. Лауреат премии Ленинского комсомола, премии Президента РФ в области образования, премии Правительства РФ в области культуры. Почетный доктор СПбГУП.

дийцы». И это — серьезнейший посыл для рассуждений о межцивилизационных (а не узко — межгосударственных, межнациональных) отношениях.

Вот два поражающих и — в чем-то! — разнонаправленных вектора: глубокая бедность многомиллионного большинства, и мощный — социальный и технологический — прорыв поистине планетарного масштаба.

Сегодня в Индии больше 1 тыс. инженерных колледжей и еще 1 тыс. учебных заведений разного уровня, выдающих диплом специалиста по компьютерным технологиям. Больше 300 университетов и существующих при них колледжей каждый год выпускают 2 млн программистов и компьютерщиков.

Итог: сегодня количество дипломированных специалистов — индийцев превышает численность всего населения Франции. Годовой объем экспорта программного обеспечения близится к 50 млрд долларов США. Экспорт программного обеспечения из Индии сравнивают с экспортом нефти из арабского мира.

Но откуда же взялись специалисты, создавшие это электронное царство? Может быть, у них особый дар к математике?

Индийский исследователь Паван Варма рассказывает о 16-летнем Шатрунджае Верма, лучшем из 2 млн выпускников 2003 года штата Утар-Прадеш. Он жил в деревне, где нет электричества, каждый день ездил за 10 км в школу. Стал лучшим — из 2 миллионов! Сантош Кумар, сын рикши, учился в школе, которая размещается в ветхой лачуге, но носит имя великого индийского математика Шриниваса Рамануджана. Его учитель Ананд Кумар продвигает детей бедняков в технологические институты изо всех сил. В 2007 году туда поступили все 30 его учеников.

Напрашивается естественный вывод: дети бедняков рвутся вверх, меняя свой социальный статус, с помощью компьютерного технологизма.

Добавим к этому: Индия производит одни из лучших лекарств; она стремится построить современную, технологически оснащенную армию; создает, в том числе при участии России, ядерную энергетику.

Всюду нужны специалисты, и их число не обеспечивают состоятельные круги нации. Происходит народный прорыв вверх. Социальный по существу, он давно обрел межцивилизационное значение.

Желание вырваться из бедности, на мой взгляд, сравнимо с пафосом преобразований в Советском Союзе в 1930–1940 годах, когда была распахнута дверь для всех, кто желал получить образование. Теперь эта дверь не то, чтобы полужакрылась, нет, она по-прежнему распахнута, но вход в нее, а главное, выход не могут изменить социальный статус человека снизу. Исчезает пафос прорыва. Часто, даже само желание.

Государство, устранившись от планирования специалистов, неразумно наплодило юристов и экономистов, практически ликвидировав глобальную инженерную школу России. Да и где работать новым инженерам?

Пример Индии, на мой взгляд, сильно отличающийся от западноевропейской, американской и китайской практики, мог бы послужить основой для российских перемен. Это прежде всего стимуляция школьников к прорыву, создание национального пафоса нового типа, возрождение того, что раньше называлось востребованным призванием.

Несмотря на то что государство вложило огромные средства на компьютеризацию школ, взрыва интереса к технологиям этого новшества, сравнимого с тем, что было в Индии, у нас не произошло. Было бы не только интересно, но и экономически целесообразно проанализировать, почему.

В Индии у меня возникли и иные аналогии. Страна, как известно, входит в число лидеров по уровню бедности. Но в ней повсеместно распространено стремление к богатству и изобилию. Нравственные постулаты Махатмы Ганди отступили. Но все-таки это происходит с участием морально-экономического катализатора: вырваться из нищеты.

У нас сегодня царствует похожая мечта — стать состоятельным. Но, в отличие от Индии, школьники в большинстве своем не обладают такого же рода массовым пафосом. Пока еще? Или уже? Надежды на связи, случай, удачу вместо яростного освоения желанных дисциплин — это массовый фактор, и здесь было бы полезно громче говорить о практике индийской школы, образования в целом.

На мой взгляд, русская школа — средняя и высшая — утрачивает энергетику и мощь. И это диктуется государственной невостребованностью. Офисы переполнены так называемым «планктоном», который доволен своим существованием. Но должно ли пребывать в довольствии государство, отдавшее на волю волн и частную инициативу развитие массовых отраслей промышленности?

Детство в межцивилизационном осмыслении все-таки редко выходит на передний план как межгосударственная, межличностная, межконтинентальная цель и проблема.

Когда случается эпидемия в Эфиопии, ООНовские организации и Красный Крест не выделяют «отдельной строкой» обеспечение детей лекарствами, одеждой, едой. Чаще всего это вложено в общие усилия. И с организационной точки зрения это понятно и целесообразно. И все же в мире уже складывались тотальные ситуации, когда дети народов и стран вымирали массами и их могло спасти только межцивилизационное взаимопонимание и гуманизм, не строящийся на выгоде.

Яркий пример — детский полиомиелит, от которого мир в основном освободился. Сыворотку от этого смертельного заболевания изобрел американский врач Альберт Сэбин. И США, как полагаются, сделали на этом изобретении бизнес, продавая сыворотку как товар. В это время, в 1960-е годы, эпидемия полиомиелита обрушилась на Японию. Начались торговые переговоры. Дети умирали. И тогда Советский Союз сделал невероятное: в стремительные сроки парход с сывороткой был подарен Японии, и дети спасены.

У этого сюжета, увы, есть безрадостное продолжение. В те времена, о которых я повествую, в СССР детский полиомиелит был полностью ликвидирован. Теперь он вернулся: прежде всего в восточные страны СНГ. Да и в Россию. Но сыворотка теперь стоит денег. Мы окончательно расписались в своей приверженности западным ценностям.

Однако не хочу завершать на такой печальной ноте. Глубоко верю, что все дети равны. Они не виноваты в том, где родились и кто их родители. Все люди, особенно маленькие и зависимые, имеют право на радость, здоровье, защиту. К сожалению, российско-индийские отношения, которые носят прежде всего организационные и материальные отношения, не касаются сферы защиты детства и помощи ему. Эта сфера на словах передана гражданскому обществу, а у него недостает ресурсов, практики, да и моральной решимости помогать чужим, когда своим не хватает. Вообще-то это обывательская мерка. Ее надо преодолевать, памятуя при этом, что отношения между народами начинаются с взаимной помощи людей.

О межцивилизационных отношениях можно заметить, что в них присутствует перекос. В этом нет никакого откровения. Одни системы живут часто за счет других, навязывая им свои представления об истине. На мой взгляд, это очень ярко и кроваво подтверждают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Фидель Кастро давно предсказывает Третью мировую войну — не политическую, не организационную, а самую натуральную, горячую.

Я полагаю, что с точки зрения индийского бытования то, как живут ливийцы, это почти рай. А Кувейту откровенно завидуем и мы — особенно тем льготам, которые предоставлены всему населению, дабы избежать типовых арабских кровопролитий.

Что происходит в этих странах, мало кому понятно. Но то, что стихией народного недовольства это не объяснить, более чем очевидно.

По существу, атакован весь арабский мир — изнутри или извне, покажет время. Однако кому-то выгодно разрушить пусть не вполне единое, но все-таки единство мусульманского мира. Мусульмане есть и в Индии, и у нас. Придавать одному из

вероисповеданий статус мины замедленного действия — бессмысленно. Но и бессмысленное вдруг оказывается востребованным. Кому и во имя чего? И не возникнет ли мирового раздора на межцивилизационном и межрелигиозном уровне, что описать даже умозрительно невозможно. Увы, сегодня нельзя исключать никаких расколов. Детству мира это грозит невиданными бедами.